

УДК 821.161.1–Дос.09

Ковти Итокава

ОБ „УРБАНИСТИЧЕСКОЙ” ЛИТЕРАТУРЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Пропонується цілісний концепт художнього топосу Достоевського. Принципово заперечується виключна „урбаністичність” його поетики. Порівняння зразків „першого” (столичного) та „другого” (провінційного) дебютів письменника дозволяє стверджувати конструктивну вагомість феномена провінції в його сюжетиці.

Ключові слова: Ф.М. Достоевський, „петербурзький текст”, провінція Сибір, місто, село, синтез.

Принято говорить о Достоевском, как о писателе урбанистической литературы. К примеру, в книжке „Семь музеев Достоевского” читаем: „В прозе Достоевского редко встречаются описания природы. Он был, безусловно, писателем-урбанистом” [10, с. 5]. Это понятие, уже давно ставшее общим в восприятии творчества Достоевского, вовсе не обогащает, а наоборот, во многом обедняет истинную ценность мастерства писателя.

Бесспорно, справедлив термин „петербургские повести Достоевского”, так же, как и термин „петербургские повести Гоголя”. Однако, говоря о Достоевском как об урбанисте, мы допускаем ошибку, чреватую серьезными последствиями. Это общее мнение опровергается в случае, если обратить внимание на значимость одного из топосов, прочно связанных с жизнью и творчеством Достоевского: Дарового.

В „Преступлении и наказании”, в так называемом „самом петербургском” романе Достоевского, то есть в крайне „урбанистическом” на фоне всего творчества писателя, прослеживаются многие нити, связывающие сюжетику романа с Зарайском и Даровым – провинциальными локусами России. Об этом пишут М. Альтман, С. Белов и др. А к какому урбанизму отнести весьма значимый эпилог романа, действие которого происходит в Сибири – в самой большой „провинции” Российской Империи? Вспомним о том, что роман был первоначально задуман именно в Сибири, в Омском остроге. На мой взгляд, именно в этой связи Даровое приобретает важное значение.

Итак, подчеркнем, что „петербургский” роман „Преступление и наказание” полон деталей, связанных с провинциями тогдашней России, то есть этот самый „урбанистический” русский роман XIX века оказывается пропитанным провинциальными элементами. В первую очередь, Рязанской, о чем говорит М. Альтман, подчеркивая, что „у Достоевского были особые основания связать исконное месторождение Раскольникова с губернией, изобиловавшей раскольниками. Из этой же

губернии, напомним, и тот Миколка, тоже раскольник <...>, который принял на себя преступление Раскольниковова. Связью с „раскольничьей” Рязанской губернией Раскольниковова и раскольника Миколки Достоевский подчеркивает и их, в определенном отношении, близость” [1, с. 193].

И если автор назвал главного персонажа романа фамилией Раскольников, имея в виду только сам факт расколичества, а не его среду обитания, то в связи с образами матери и сестры героя, включая и семью Миколки, значение Рязанской губернии с ее многочисленными раскольниками весьма значимо для точного прочтения романа. Это тем более важно, что Рязанская губерния была местом трогательных детских и отроческих воспоминаний самого писателя, о чем читаем в „Дневнике писателя” за 1877 год: „Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, но все никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незначительное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями” [3, т. 25, с. 5].

И эта память о Рязанской губернии, с ее Даровым и Зарайском, отражена во многих произведениях Достоевского, начиная с „Бедных людей” и кончая „Братьями Карамазовыми”, то есть фактически присутствует во всем творчестве писателя. Об этом пишет С. Белов в очерке „Там, где был писатель”, повествуя о предположении, которое тогда осенило его в Зарайске („там, где был Достоевский”). Когда его подвели „к одной из немногих сохранившихся церквей”, подчеркнув при этом, что „верующие люди у них до сих пор чтят святого Николая Зарайского”, в его сознании „мелькнула неожиданная догадка”: „Достоевский помнил, конечно, еще с детства имя святого Николая Зарайского и поэтому не случайно православный Миколка в „Преступлении и наказании” родом из Зарайского уезда, носит такое же имя” [2, с. 111].

Память о Даровом во многом определила жизнь и творчество Достоевского. В реальной жизни он навсегда был от него отторгнут, но, как писатель, почти всегда вдохновлялся святыми и драгоценными воспоминания о нем. Безусловно, Даровое обогащает и так называемую „урбанистическую” литературу писателя. Следовательно, можно и надо подчеркнуть истинную роль и место Дарового с его окрестностями в творческой палитре Достоевского, признать условность и, возможно, даже недопустимость выражения „урбанистическая” литература Достоевского.

Автор „самого петербургского романа” „Преступление и наказание”, также не соответствует определению банального урбаниста. Нижеследующие строки из его романа свидетельствуют о неодобрительном отношении Достоевского к столичным пейзажам, об отрицательном отношении к самому духу столицы: „Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина... Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее. <...> Даже чуть не смешно ему

стало и в то же время сдавило грудь до боли. <...> Казалось, он улетел куда-то вверх и все исчезло в глазах его..." [3, т. 6, с. 90].

Закономерно, что автор „Преступления и наказания” склонен скептически воспринимать некоторые столичные петербургские пейзажи. В „Зимних заметках о летних впечатлениях” видно, что он так же относится и к столичным пейзажам Парижа и Лондона. Никто, кроме него, не писал о Париже как о городе „Ваала”. Для писателя-урбаниста немислимо говорить о Париже как о городе „Ваала”. „Русский европейский город” Петербург не нравился Достоевскому, поскольку ему не нравились все европейские города. Известно, что „русские европейцы” не нравились писателю потому, что, в первую очередь, ему не нравились и сами европейцы во главе с „брибри” и „мабишь”.

Не предстает Достоевский писателем-урбанистом и в следующем замечании Н.Н. Страхова: „Федор Михайлович не был большим мастером путешествовать; его не занимали особенно ни природа, ни исторические памятники, ни произведения искусства, за исключением разве самых великих; всё его внимание было устремлено на людей, и он схватывал только их природу и характеры, да разве общее впечатление уличной жизни. Он горячо стал объяснять мне, что презирает обыкновенную, казенную манеру осматривать по путеводителю разные знаменитые места” [цит. по: 11, с. 293-294].

Ошибочно утверждать, что автор петербургских повестей является писателем-урбанистом, ибо в одной из них, в повести „Слабое сердце”, именно петербургский пейзаж (та же панорама) служит главным поводом зарождения в ее герое Аркадие Ивановиче так же, как и в Раскольникове, новой бунтующей личности. Этот момент очень выразительно прописан у Достоевского: „Были уже полные сумерки, когда Аркадий возвращался домой. Подойдя к Неве, он остановился на минуту и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром кровавой зари, догоравшей в мгляном небосклоне. Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от замерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглистого инея. <...> Какая-то странная дума посетила осиротелого товарища бедного Васи. Он вздрогнул, и сердце его как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива какого-то могучего, но доселе не знакомого ему ощущения. Он как будто только теперь понял всю эту тревогу и узнал, отчего сошел с ума его бедный, не вынесший своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, он побледнел и как будто прозрел во что-то новое в эту минуту...” [3, т. 2, с. 48].

Кто настаивает на своем мнении о „Преступлении и наказании” как о типичном урбанистическом произведении Достоевского, тот обязан объяснить, почему в этом романе место действия эпилога – Сибирь, наибольшая провинция России. Почему Петербургу необходима Сибирь? Почему столице России нужна ее чистейшая провинция? Нельзя допустить, чтобы урбанисты-полемисты оставили этот ключевой вопрос без ответа. По словам М.В. Загидуллиной,

„Ломанное” пространство Г. (города. – К.И.) символизирует изломанность душ населяющих его людей. Чтобы вырваться из-под власти бездушной машины Г. (города), надо покинуть его (смена пространства „Невы” на пространство „Иртыша” несет избавление герою „Преступления и наказания”)” [4, с. 147]. „Преступление и наказание” без такого эпилога – всё равно, что „птица без хвоста”. Однако этот капитальный вопрос требует отдельного и более развернутого рассмотрения. Пока нам достаточно предложить гипотезу о том, что так называемое „самое урбанистическое” произведение Достоевского „Преступление и наказание” утверждает собою нечто противоположное.

Творчество Достоевского по преимуществу отличается и славится своей грандиозной тематикой евразийского масштаба. Представление о ментальной противоположности Сибири и Петербурга мы можем получить из книги П. Косенко „Иртыш и Нева”, состоящей из двух документально-биографических повестей: „Сердце остается одно (Иртышская хроника)” и „Время и сердце (Невские эпизоды)” [6].

В заявленном аспекте, иного взгляда требуют и такие „провинциальные” беллетристики Достоевского, как „Дядюшкин сон”, а также „Село Степанчиково и его обитатели”. По этому поводу известно крайне категоричное мнение С.А. Кибальника о „Дядюшкином сне”: „Действительно, даже общие отличительные черты провинциальной жизни, названные и изображенные в повести, не столь уж многочисленны. <...> К тому же лишь часть главных героев повести – собственно провинциалы, некоторые же (Мозгляков, князь) ими не являются. Российская провинция в повести изображена через внутренние оппозиции с Петербургом и заграницей” [5, с. 55]. Образ „заграницы” у Достоевского часто интерпретируется, в определенном смысле, как „знак”, „архетипический образ”. К примеру, так видит проблему О.С. Крюкова: „Италия может контаминироваться и с Испанией, выступая одной из разновидностей романтического клише („мирты”, „лимоны” и „голубое небо” в повести „Дядюшкин сон”)” [7, с. 72].

Возвращаясь к мнению С.А. Кибальника о „Дядюшкином сне”, отметим, что оно, на наш взгляд, применимо также к повести „Село Степанчиково и его обитатели”. Во „Вступлении” к этой повести говорится о том, что ее рассказчик Сережа, племянник отставного полковника Егора Ильича Ростанева, во многом связан с Петербургом. Он учился в Петербургском университете и оставался в столице после его окончания, даже без работы, так как ему не хотелось расставаться с городом на Неве. Не торопясь с возвращением к дяде в провинцию, он однажды встречает прежнего дядиного сослуживца, который рассказывает, что, возвращаясь с Кавказа в Петербург, по дороге заезжал в Степанчиково. Этот эпизод указывает на то, что следует прочитывать действие повести „Село Степанчиково и его обитатели” происходящим не только в селе Степанчикове, в провинции, но и в Петербурге, в столице. Нельзя сказать, что Село Степанчиково – единственное место действия этой повести. Мало того, следует обратить внимание на заключительную сентенцию вышеизложенного

„Вступления” к повести: „А я так долго сидел закупоренный в Петербурге, что, казалось мне, только теперь настоящим образом взглянул на свет Божий!” [3, т. 3, с. 19].

Этот прием совмещения двух пространств в текстах Достоевского не случаен: действие „Преступления и наказания” тоже происходит не только в Петербурге, но и в Сибири, не только в столице, но и в провинции. Кстати заметим, что даже барский лакей из села Степанчиково Видоплясов имеет опыт жизни в столице („Но разговор моим многие генералы и даже некоторые столичные графы оставались довольные” [3, т. 3, с. 41]).

Ранее творчество Достоевского, начавшееся с „дебютных” „Бедных людей” и завершившееся незаконченным романом „Неточка Незванова”, во многом действительно характеризуется урбанизмом, вернее, „петербургской темой”. Именно в этот период, и по материалам, и по специфике героев и тематики, замыслы произведений на самом деле являются преимущественно „петербургскими”.

Однако творчество писателя после двух повестей „Село Степанчиково и его обитатели” и „Дядюшкин сон”, обозначивших его „второй дебют” в литературе и ведущих к „великому пятикнижию”, синтезирует противоположности мировосприятия, в том числе определяет органичную взаимосвязь урбанистического и провинциального. Характерно то, что именно в этих двух повестях, в совокупности эпохальных для становления последующего периода творчества Достоевского, провинциальные факторы обретают самостоятельный статус в творческом сознании писателя. Поистине можно и надо сказать, что это не что иное, как дар судьбы, вооруживший будущего великого писателя русской и всемирной литературы уникальным взглядом на мир.

Проницательным в этом плане выглядит мнение исследовательницы повестей „Село Степанчиково и его обитатели” и „Дядюшкин сон” Ю. Пахалковой: „Новый роман был основан на материале провинциальном, который заключал свое особое содержание и давал писателю новые характерологические возможности. Прежде всего, он освобождал от давления определенной, сложившейся типологии героев натуральной школы. Кроме того, среднее сословие русской провинции (своего рода „социальный порог” между простым человеком и человеком света) оказалось богато психологическими возможностями, непредвиденным разнообразием индивидуальностей. Провинциальная действительность допускала резкую оригинальность личностей, развивавшихся вне нивелировки, которой подвергала человека более строго упорядоченная столичная жизнь. В „Селе Степанчикове” и „Дядюшкином сне” Достоевский нащупывает определенные типы личностей, как бы ранние варианты будущих портретов. От героев этих повестей идут пунктирные, но достаточно явственные линии к некоторым будущим героям „Подростка” и „Идиота” [9, с. 83]. Провинциальный, на первый взгляд, быт „Дядюшкиного сна” обнаруживает нити, протянутые к столичному и

даже зарубежному миру (см.: „В захолустном уездном городке Мордасове случилось событие из ряда вон. Объявился проездом такой завидный жених, о котором местные невесты и мечтать не смели – князь К, столичная штучка, запросто бывавший в Париже и Вене ...” [8, с. 74]). На подобных примерах обнаруживается, что творчество Достоевского, задолго до „великого пятикнижия”, уже приобретало универсальное свойство.

Вопреки общей традиции не оценивать по достоинству эти две, так сказать, „семипалатинские повести”, упомянутая исследовательница по справедливости вписывает их в логику творческого развития Достоевского-романиста, утверждая, что писатель эволюционно возобновил свой путь в литературе именно этими повестями 1850-х годов. В целом надо заметить, что сибирско-казахское наследие Достоевского во всём творчестве писателя долго недооценивалось (см. примечания к этой повести в академическом ПСС: „Только в 1880-е годы, узнав всего Достоевского и особенности его творчества 1860 – 1870-х годов, критика оценила „Село Степанчиково”, и прежде всего фигуру Фомы Опискина. Первым это сделал Н. Михайловский. В статье „Жестокий талант”, напечатанной через год после смерти Достоевского, он признал Фому Опискина классическим для Достоевского психологическим типом” [3, т. 3, с. 507-508]).

Иначе говоря, чтобы понять Достоевского, каждое его произведение, в том числе и указанные повести, следует воспринимать их только в контексте всего творчества писателя. Прообраз „великого пятикнижия” Достоевского немислим без совмещения творчества писателя эпохи первого дебюта, которая преимущественно характеризуется урбанизмом, с творчеством эпохи второго дебюта, в произведениях которого в большинстве случаев действие перенесено в провинцию. Видно, что в творчестве Достоевского урбанистический и провинциальный факторы заходят один за другой. Обнаруживается, что у Достоевского нет ни всецело „урбанистической”, ни целиком „провинциальной” литературы. В художественном мире писателя мы не найдем концептуального разрыва между столицей и провинциями, нет его и между городом и деревней. Скорее наблюдается своеобразный диалог между урбанистическим и провинциальным, лишенный какой бы то ни было монологичности. Этому соответствуют и многие другие факторы писательской стилистики.

Сегодня процветание крупных городов и оскудение мелких деревень являются неотлагательным вопросом цивилизации. Полярное разложение общества на чрезмерно насыщенную (сравнительно богатую) и чересчур малолюдную (сравнительно бедную) части является фатальным изъяном современного мира. В свете этих обстоятельств все большее мировоззренческое значение должно приобретать творчество Достоевского, с его конечным синтезом урбанистического и провинциального факторов. Если человечество еще способно учиться у классиков.

1. *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен / М.С. Альтман. – Саратов : Изд-во Саратовс. ун-та, 1975. – 280 с.
2. *Белов С.В.* Полвека с Достоевским. Воспоминания / Сергей Белов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 216 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Федор Михайлович Достоевский. – Л. : Наука, 1972-1990.
4. Достоевский : Эстетика и поэтика : словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев ; науч. ред. Г.К. Щенников – Челябинск : Металл, 1997. – 271 с.
5. *Кибальник С.А.* Провинциальная Россия в зеркале стилизации и пародии (О повести Достоевского „Дядюшкин сон”) / С.А. Кибальник // Ф.М. Достоевский в диалоге культур : материалы международной конференции 25-29 августа 2009 / сост. В.А. Викторovich. – Коломна : Коломенский педагог. ин-т, 2009.
6. *Косенко П.* Иртыш и Нева. Двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора / Павел Косенко. – Алма-Ата : Жазушы, 1971 – 262 с.
7. *Крюкова О.С.* Архетипический образ Италии в творчестве Ф.М. Достоевского / Ольга Крюкова // Ф.М. Достоевский в диалоге культур : материалы международной конференции 25-29 августа 2009 / сост. В.А. Викторovich. – Коломна : Коломенский педагог. ин-т, 2009.
8. *Наседкин Н.* Достоевский. Энциклопедия / Николай Наседкин. – М. : Алгоритм, 2003 – 799 с. – (Русские писатели).
9. *Пахалкова И.Ю.* Повести „Село Степанчиково и его обитатели”, „Дядюшкин сон” в творчестве Ф.М. Достоевского / И.Ю. Пахалкова // Достоевский и современность : тезисы выступлений на „Старорусских чтениях”. – Новгород, 1988.
10. Семь музеев Достоевского – СПб. : Лицей, 2000 – 22 с.
11. *Фокин П.Е.* Достоевский без глянца / Павел Фокин. – СПб : Амфора, 2007. – 460 с.

Аннотация

Предлагается целостный концепт художественного топоса Достоевского. Принципиально отрицается исключительная „урбанистичность” его поэтики. Сравнение образцов „первого” (столичного) и „второго” (провинциального) дебютов писателя позволяет утверждать конструктивную значимость феномена провинции в его сюжетике.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, „петербургский текст”, провинция Сибирь, город, село, синтез.*

Summary

Integral concept of Dostoevsky's fictional topos is offered in the article. Exceptional „urbanity” of his poetics is denied on principle. The samples' comparison of the „first” (capital) and „second debuts” (provincial) of the writer allows asserting constructive importance of province phenomenon in the plots of his fiction.

Key words: F.M. Dostoevsky, „Petersburg text”, province Siberia, city, village, synthesis.